

© Лященко Д.Н.

1974. — 120 с.

9. Колмогоров А. Н. теория информации и теория алгоритмов / А. Н. Колмогоров. — М. : Наука, 1987. — 304 с.

10. Мазур М. М. Качественная теория информации / М. М. Мазур. — М. : Мир , 1974. — 264 с.

11. Марков А. А. Теория алгорифмов / А. А. Марков // Труды математического института им. В. А. Стеклова. — М.-Л.: АН СССР, Т.42 1954. — 375 с.

12. Полтавский Р. П. Термодинамика информационных процессов / Р. П. Полтавский. — М. : Наука , 1981. — 288с.

13. Седов Е. А. Эволюция и информация / Е. А. Седов. — М. : Наука , 1976. — 228с.

14. Суханов А. П. Мир информации / А. П. Суханов. — М. : Мысль , 1986. — 272 с.

15. Тюхтин В. С. Теория отражения в свете современной науки / В. С. Тюхтин. — М. : Наука , 1971. — 188 с.

16. Урсул А. Д. Проблема информации в современной науке / А. Д. Урсул. Философские очерки. — М. : Наука , 1975. — 164с.

17. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике / К. Шеннон ; пер. с англ. А. Б. Калмагоров. — М. : изд. Иностранной литературы , 1963. — 830 с.

18. Янков М. В. Материя и информация / М. В. Янков. — М. : Прогресс , 1979. — 128 с.

19. Deleuze G. Capitalisme et schizophrénie 2. Mille Plateaux / G. Deleuze, F. Guattari. — Paris: Les Editions De Minuit, 1980 — 647p.

Стаття надійшла до редакції 17.12.2010

Лященко Д. Н. – аспирант кафедри філософії і методології науки Одеського національного політехнічного університета

УДК 165.242.2:81'22

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ЗНАК» КАК ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ

Деякі когнітивні фактори мають свій вплив на суто технічні питання щодо визначення поняття «знак». Завдяки тому, що системний підхід не зважає на природу речей, репрезентованих у якості систем, та розглядає речі інтегрально, з'являється можливість експлікувати варіант цілісного формулювання поняття «знак».

Ключові слова: знак, система, розуміння.

Некоторые когнитивные факторы оказывают влияние на формальные вопросы определения понятия «знак». Благодаря тому, что системный подход безразличен к природе вещей, представляемых в качестве системы, а также благодаря его интегральному характеру, появляется возможность целостного определения знака.

Ключевые слова: знак, система, понимание.

Some cognitive factors have an influence on a technical explication of the concept of a sign. Due to object-indifferent and integral character of the system approach we can get the possibility of an integral definition of a sign.

Key words: sign, system, understanding.

В зависимости от того, как понимается знак, и как фиксируются разные характеристики его «природы», по-разному выглядят и его определения, что имеет существенное значение не только для семиотики. Очевидна важность этого определения для методологии науки (например, в рамках унификации языка науки), поэтому от того, как эксплицируется понятие «знак» зависят не только абстрактные построения, но и прикладные исследования.

В современных дефинициях знака повторяются определения, предложенные двумя основателями семиотики – Ч. Пирсом и Ф. Соссюром: знак – это в каком-то смысле замещающий что-то объект, и знак – это двухсторонняя психическая сущность, представляющая собой единство означающего и означаемого в рамках языковой структуры. Собственно проблемой знака на современном этапе развития семиотики занимаются редко, чаще всего постулируется одна из двух приведенных выше экспликаций в разных модификациях. В рамках определений знака существует так называемая проблема «*n*-сторонности» знака. Знак – односторонен или знак – двусторонен. Часто проблема *n*-сторонности решается в рамках представлений о природе знака: знак – идеален, знак – материален, знак – идеально-материален и т.д. [1, с. 30 - 34].

На наш взгляд, нет никакой необходимости связывать определение знака с его природой. «Природа знака» больше относится к характеристике видов знаков и лишь косвенно касается определения знака. Очевидно, что обращением к собственным основаниям семиотики определить знак нельзя – требуются «внешние» основания. Именно с этим связаны ссылки на природу знака отражающиеся в его определениях. То есть, исходя из «здравого смысла» и/или философско-научных предпочтений тот или иной исследователь постулирует фундаментальные понятия теории (в частном случае понятие «знак»). У лингвиста, интересующегося семиотикой, знак получает и «профессиональные», и «личностные» характеристики, то же самое можно сказать и о специалисте по логике, в сферу интересов которого входит общая теория знаков.

Определяя что-либо мы, так или иначе (сознательно или бессознательно), систематизируем, поэтому логично было бы эксплицировать «знак» как систему, используя системный подход осознанно. В качестве системного подхода мы будем использовать параметрическую общую теорию систем. В этой статье будут анализироваться вопросы, касающиеся системного представления знака, в частности, в связи с проблемой n -сторонности знака. Целью статьи является предварительный анализ определения знака как системы в связи с проблемой понимания. Вряд ли в данном случае стоит надеяться на завершённое и полное определение знака, потому как для этого нужна дополнительная работа, к которой можно приступить лишь после анализа системного представления знака.

В знаковой ситуации есть несколько необходимых компонентов. Во-первых – это вещь X , которая означает, во-вторых – это вещь Y , которую означают. Для предварительного определения знака достаточно этих двух элементов. В итоге мы можем получить такое определение знака: знак – это вещь X , означающая другую вещь Y . Правда, если подходить более строго, то стоит добавить еще один элемент – связующий X с Y – элемент Z . Z – это субъект, для которого одна вещь X означает другую вещь Y . Можно было бы добавить еще несколько элементов, например, вещь W , с помощью которой субъект Z означает через вещь X вещь Y (W – это интерпретанта Ч. Пирса, смысл Г. Фреге, интенционал Р. Карнапа, etc.) Но в широком смысле нам нет необходимости различать Z от W . Z – это носитель W . Поэтому мы можем отождествить Z и W , как вещи, выполняющие одну и ту же функцию – быть связующим звеном между означающим X и означаемым Y . В этом случае мы можем получить такое определение знака: знак – это вещь X , означающая вещь Y , для вещи Z (или с помощью вещи W).

При внимательном рассмотрении видно, что в этих рассуждениях есть некоторая неестественность. Мы называем вещь X и знаком, и означающим одновременно. Таким образом, если X это знак Y , то у нас получается такое определение знака: знак – это знак «чего-то». Эта ситуация отсылает к упомянутым спорам относительно так называемой проблемы « n -сторонности знака». Существует мнение [2, с. 45 - 49], что знак – это «односторонняя сущность», что он не состоит из формы и содержания (означающего и означаемого). При этом слово «состоит» понимается, видимо в материальном, вещественно-телесном смысле. То есть, представляется некая материальная сущность, физическое тело, внутри которого находятся компоненты знака. Хотя такой фантазмагорический образ логически возможен в материалистической доктрине (мир – это самодвижущаяся материя), тем не менее, во избежание недоразумений, знаковость следует понимать функционально, а не онтологически. Поэтому правильнее было бы видоизменить наше определение знака в такую экспликацию: знак – это, *когда* вещь X , означает вещь Y , для вещи Z .

Поскольку речь идет о вещах, а любую вещь можно представить в качестве системы [3, с. 104, 120], то несомненно, что и о знаке можно думать как о системе. Для этого необходимы соответствующие методологические средства. Рассмотрим категориальный минимум параметрической общей теории систем (ОПТС) [3], [4].

Эта теория, разрабатываемая Авениром Ивановичем Уемовым и его учениками, зиждется на нескольких принципах. Во-первых, это упомянутый принцип универсальности – любой объект может быть представлен в качестве системы. Во-вторых, это принцип дополненности – существует два взаимодополняющих способа представления объекта в качестве системы – через атрибутивный концепт и через реляционный концепт. Категориальный аппарат ОПТС основывается на двух тройках понятий: вещь, свойство, отношение $\{m, P, R\}$ и произвольное, определенное, неопределенное $\{A, t, a\}$. Категории вещи, свойства и отношения отличаются друг от друга не абсолютно, а функционально, то есть, по функциям, которые они выполняют относительно друг друга. Природа объектов, которые описываются с помощью этих категорий, безразлична. Относительно категорий определенное, неопределенное, произвольное стоит сказать, что и они различимы функционально, и только вместе

взятые достаточны для определения смысла предмета познания.

На основании различных взаимоотношений этих двух троек категорий строится понятие системы, которое можно представить как состоящее из, так называемых, системных дескрипторов – конструктов, производных от первых двух троек, но в соответствии с их названием иногда более удобных для описания и конструирования понятия системы. Это концепт, структура и субстрат. Принципиальное значение имеет иерархичность расположения дескрипторов. Концепт реализуется на структуре, которая реализуется на субстрате. Определение системы с атрибутивным концептом звучит так: системой является произвольная вещь, на которой реализуется некоторое отношение, которое обладает фиксированным свойством. Соответственно, произвольная вещь, на некоторых свойствах которой реализуется фиксированное отношение – это определение понятия системы с реляционным концептом.

В ОПТС используется формализм – язык тернарного описания (ЯТО). Рассмотрим некоторые условные обозначения ЯТО. Вещь обозначается как отдельный символ (или символ в круглых скобках): A (произвольная вещь), или t (определенная вещь), или a (неопределенная вещь). Отношение обозначается символом слева от скобок: например, $A(t)$ – определенная вещь обладает произвольным отношением (это пропозициональная (открытая) формула, эквивалент суждения). $[A(*t)]$ – произвольное отношение определенной вещи (квадратными скобками выражается концептуальная (замкнутая) формула, эквивалент понятия). Причем первая формула «прямая», выражающая то, что мысль движется от вещи к отношению, а вторая формула «инверсная» – мысль движется от отношения к вещи (инверсность обозначается «*» – звездочкой). Свойство обозначается как символ, стоящий справа от скобок: $(A*)a$, $[(t)a]$ – некоторое свойство присуще произвольной вещи, определенная вещь с некоторым свойством.

Теперь выразим определения системы в виде формул. Дефиниенс определения системы с атрибутивным концептом выглядит как: $([A(*A)])t$; а дефиниенс определения системы с реляционным концептом: $t([(A*)a])$.

Учитывая двойственность системного представления, можно получить двойственное определение знака. Сначала представим знак как систему с атрибутивным концептом. Если воспользоваться представлением знака, данным выше, то у нас окажется минимум три компонента знака $\{X, Y, W\}$ – это означающее, экстенционал и интенционал. Означающее X выполняет свои функции лишь благодаря смыслам, которые заранее есть у участников коммуникации, и выступает как языковая модель экстенционала Y (подробнее о знаковой ситуации в отношении моделирования [5, с. 144 - 192, 357 - 365]). Интенционал W – это определенный код, смысл, цель, свойство отношений моделирования существующих между X и Y . Экстенционал Y никогда не дан сам по себе – это всегда модель, структурированная в соответствии с интенционалом.

Хотя определение системы звучит как «Вещь, на которой реализованы и т.д.», это не означает, что система это только субстрат. Последний является лишь «материей», из которой «ткётся» система. Так же и в случае со знаком. Знак – это не просто означающее или любой другой компонент целого. Итак, знак, как некое атрибутивно целое (индивид) – это вещь $\{X, Y\}$, которая в *некоторых* (коммуникативных, когнитивных etc.) *отношениях* $\{[a(*X, Y)]\}$, обладает заранее *определённым свойством* $\{W$ – «*быть моделью экстенционала*» в случае адресанта, и «*быть моделью означающего*» в случае адресата).

Таким образом, атрибутивное представление, рассматривает знак, как относительно автономное целое, где означающее является лишь частью знака как целого. В ЯТО есть понятия, производные от основных категорий. Среди них есть понятие подобъекта. *Чэпса* – это такой подобъект, который никогда не может быть целым объектом. Означающее в таком смысле – это *чэпса* (часть, элемент, признак, свойство, аспект) знака.

Если же, все-таки, отождествить X и знак в целом, то произойдет нарушение закона тождества, так как мы получим ситуацию, в которой знак является частью самого себя. То есть, и частью и целым одновременно, в одном и том же смысле!

Однако знак действительно является и частью и целым, но в разных смыслах. Сам по себе знак не обладает свойствами «знака». Знак – это часть знаковой системы. Знак функционален по отношению к знаковой системе. Этот важнейший семиотический принцип сформулирован Ф. Соссюром в понятии *значимости* (значение формируется контекстуальными дифференциациями). Здесь мы имеем дело с реляционным пониманием знака. Если воспользоваться реляционным представлением системы, то знак – это такая вещь $\{X, Y\}$, *некоторые свойства* $\{$ *быть моделью, иметь значение, etc* $\}$ которой фиксируются *определённым отношением к знаковой системе* (e.g.

отношением коммуникации).

Очевидно, что только оба определения дают интегральное представление о знаке. Стоит подчеркнуть, что в некотором смысле, субстрат в обоих системных представлениях различен. То есть, $\{X, Y\}$ в атрибутивном определении не тождествен $\{X, Y\}$ в реляционном определении. Можно сказать, что различен не субстрат, а системы, построенные из одного и того же субстрата. Но проблема в том, что, строго говоря, у нас нет субстрата до того, как мы не построили систему, поэтому мы и не имеем «одного и того же субстрата».

Теперь сделаем еще одно небольшое отступление в область проблемы понимания. А. Ю. Цофнасом предложена концепция «понимающей гносеологии», разработанная в рамках ОПТС [4]. Кратко говоря, понимание всегда системно. При этом, мы либо представляем некий объект как систему (интернальное понимание), либо вписываем этот объект в уже готовую систему (экстернальное понимание). Можно сделать сильное допущение, что эти два вида понимания являются разновидностью дополнительных атрибутивного и реляционного типов понимания, рассмотренных по оси часть/целое. Если это предположение верно, то эти виды понимания также дополнительные.

С другой стороны, например, согласно когнитивной теории метафоры Лакоффа-Джонсона [6] понятийная система человека структурирована метафорически, те или иные понятия – это метафоры каких-то других понятий (менее определенное понимается в терминах более определенного). То есть, когнитивная система человека упорядочивает опыт сообразно таким модусам структуризации: структурные метафоры, ориентационные метафоры, онтологические метафоры, «метонимические метафоры» и т.д. Структурные метафоры строятся как понимание одних понятий в качестве некоторых других понятий (спор – это война, время – это деньги, etc.). Ориентационные метафоры – упорядочивают целые системы понятий относительно других систем понятий (счастье – вверху, сознание – вверху, запад – это смерть, etc.). Онтологические метафоры основываются на опыте обращения с различными физическими объектами (метафоры сущности, субстанции, вместилища, etc.). «Метонимические метафоры» – часть вместо целого (синекдоха), одна сущность вместо другой («Гуссерль» стоит на полке) etc. Нетрудно заметить, что структурные метафоры – это аналог атрибутивного синтеза в ОПТС, ориентационные метафоры – реляционного синтеза, онтологические – реистического анализа и синтеза etc. Возникает вопрос о том, возможно ли понимание вне метафор, возможно ли непосредственное «отражение» действительности? На этот вопрос нужно ответить скорее отрицательно. Такие менее культурно детерминированные метафоры, как ориентационные (вверх-вниз, вправо-влево) или онтологические (сущность, субстанция, вместилище), фундируются опытом человеческой телесности, который достаточно константен. Тем не менее, культурная составляющая придает разные значения одним и тем же «телесным» свойствам и отношениям («будущее» может пониматься как расположенное впереди, так и позади).

Таким образом, «системное понимание» у Цофнаса дает представление об общем абстрактном механизме, форме понимания, тогда как «метафорическое понимание» Лакоффа-Джонсона – представляет собой описание содержательно-эмпирических, когнитивно-психологических аспектов понимания зафиксированных в языковой практике (которые, кстати, могут пролить свет на некоторые психологические аспекты генезиса «системного мышления»). Если эти два аспекта понимания условно рассматривать в качестве частей семиотической системы, то можно связать системное понимание с планом выражения (уровень означающих), а метафорическое понимание – с планом содержания (уровень означаемых). Оба уровня структурированы системно и, вероятно, имеют изоморфную синтактику. Важно то, что понимание всегда системно. Как говорит У. Матурана: самым фактом использования языка человек мыслит рационально [7, с. 41-48]. «Рационально», значит скорее «системно», чем, «истинно» и т.д. То есть, самым фактом использования языка человек конструирует системы. А системы он конструирует атрибутивные или реляционные, в зависимости от различных целей и причин (сознательных или бессознательных). Например, индивид с преимущественно реляционным мышлением (пониманием) воспринимает знак как систему с реляционным концептом, то есть, как часть, функцию. В таком случае, при попытке определить знак сам по себе, как некое целое (через атрибутивный концепт) он может допустить неточность подобную той, которую мы продемонстрировали выше, когда отождествили означающее и знак. В плане когнитивного содержания здесь задействуется механизм метонимии – часть вместо целого, функция объекта вместо самого объекта. «Реляционный знак» – это часть знаковой системы, означающее – это часть знака как системы. Производится абстракция отождествления и, игнорируя представление о двойственности интегрального понимания предмета исследования, мы получаем гибридное определение знака. А,

учитывая, что когнитивная система – это некое согласованное целое, то поддерживается такое «определение» с помощью целой системы метафор. Видимо онтологическая метафора «вместилища» ответственна за интуитивное неприятие такого высказывания как: «знак *состоит* из...», – когда речь заходит о структуре знака. Если говорить семиотически, то подобная путаница хорошо иллюстрируется понятием «похищение языка» Р. Барта. У нас есть знак №1 (со своими означающим *X* и означаемым *Y*) и знак №2 (со своими компонентами). Представив знак атрибутивно (знак №1), мы видим, что *X* означает *Y*, и при этом мы понимаем, что *X* значит что-то лишь в контексте языка (реляционное понимание (знак №2)). Мы берем знак №1 и ставим в контекст реляционного понимания (наделяем означаемым №2) пытаюсь одновременно удержать и атрибутивные и реляционные свойства, то есть, *используем целый знак №1 лишь в качестве означающего знака №2*. Но это подобно попыткам одновременно получить данные о местонахождении и импульсе субатомной частицы (принцип неопределенности связан с принципом дополнительности). А если привести более точную аналогию, то такой «гибридный знак» подобен «корпускулярно-волновому монизму», когда «волна-частица» понимается буквально, в виде движущейся по волнообразной траектории частицы.

Абсолютизация любого из двух типов понимания ведет к утверждению в праве на существование либо только частей, либо только целых. Причем, абсолютизированное реляционное понимание логически влечет представление, что знак существует только лишь в качестве части, функции, etc. (здесь истоки крайнего номинализма). Тогда как из абсолютизированного атрибутивного понимания следует, что знаки абсолютно независимы от контекста (то есть, значение может рассматриваться как онтологическая характеристика знака). Здесь важно отметить, что «знак как часть» и «означающее как часть» – это разные виды *частей*. Если означающее – это незнаковый *компонент* знака, полностью «подчиненный» целому, то знак, как *часть* знаковой системы, обладает большей степенью автономности. Можно предположить, что мы имеем дело с иерархическим и гетерархическим видами частей [8:87-101]. «Знак как часть» знаковой системы («реляционный знак»), находится на том же уровне структурной организации, что и дополнительный к нему «атрибутивный знак», но знак представляет собой следующий уровень организации по отношению к «означающему как части». Но этот вопрос требует дополнительного исследования.

Таким образом, используя системный подход (а именно ОПТС) в качестве средства определения собственных оснований семиотической теории, мы имеем возможность не касаться с самого начала проблемы природы знака, что было бы неизбежным, если бы в качестве оснований был бы выбран какой-либо концепт «натуральной онтологии». В ОПТС действуют свои философские основания, например, так называемая «структурная онтология» (термин Цофнаса А. Ю.). Семиотическая теория, построенная с помощью ОПТС также должна быть безразлична к изначальной природе своих объектов, что необходимо для работы с объектами любого рода. Что касается *n*-сторонности, то логической подоплекой указанной проблемы является расчленение интегрального системного представления на фрагменты и абсолютизация (натурализация, идеализация, etc.) того или иного фрагмента. В свою очередь, когнитивным аспектом этой логической «неполноты» являются конкретные лингво-психологические особенности функционирования когнитивной системы человека. Четкая дифференциация этих аспектов (логического и когнитивного), а также осознание двойственности системного представления, позволит избежать указанных неточностей при более полном определении знака, как системы особого рода, что, собственно, является одной из перспектив дальнейшего исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Левицкий Ю. А. Проблемы лингвистической семантики / изд. 2-е / Юрий Анатольевич Левицкий. — М.: КД Либроком, 2009 — 152 с.
2. Ветров А. А. Семиотика и ее основные проблемы / А. А. Ветров. — М.: Политиздат, 1968. — 264 с.
3. Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем / Авенир Иванович Уёмов. — М.: Мысль, 1978. — 272 с.
4. Цофнас А. Ю. Теория систем и теория познания / Арнольд Юрьевич Цофнас. — Одесса: АстроПринт, 1999. — 308 с.
5. Барулин А. Н. Основания семиотики: знаки, знаковые системы, коммуникация. Часть 2: Краткая предистория и история семиотики (до Фреге, Пирса и Соссюра) / Александр Николаевич Барулин. — М.: СиК — 2000, 2002. — 402 с.

© Машталер А.А.

6. Лакофф Дж. Метафори, котрымы мы живем / Пер. с англ./ Джордж Лакофф, Марк Джонсон. — М.: ЛКИ, 2008. — 256 с.

7. Maturana H. Reality: The search for objectivity or the quest for compelling argument /Humberto Maturana/ Irish Journal of Psychology. — Vol. 9 — 1988. — pp. 25-82

8. Wilber K. Sex. Ecology. Spirituality: The spirit of evolution / Ken Wilber. — 2-d ed. Boston & London: Shambhala, 2000. — 852 p.

Стаття надійшла до редакції 27.12.2010

Машталер А. А. – кандидат філософських наук, докторантка Інституту вищої освіти АПН України.

УДК 37.01:004.9

НАЦІОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНІ ТРАНСФОРМАЦІЇ ОСВІТИ В ГЛОБАЛЬНИХ ВИМІРАХ ІНФОРМАЦІЙНОГО СУСПІЛЬСТВА

В статті досліджується проблема традиційної культури в умовах інформаційного суспільства та його динаміки. Аналізується співвідношення понять «культури», «мультикультуризму», в контексті перспектив національного і етнічного та перспективи формування інноваційного мислення.

Ключові слова: інформаційне суспільство, культура, освіта, інформаційні технології, цивілізація, конфлікт.

В статье исследуется проблема традиционной культуры в условиях информационного общества и его динамики. Анализируется соотношение понятий «культуры», «мультикультуризма», в контексте перспектив национального и этнического и перспективы формирования инновационного мышления.

Ключевые слова: информационное общество, культура, образование, информационные технологии, цивилизация, конфликт.

The article examines the problem of traditional culture in the information society and its dynamics. The relations between the concepts of "culture", "multiculturalism" are analyzed in the context of the prospects of national and ethnic and the prospects for creating the innovative thinking.

Key words: information society, culture, education, information technology, civilization, conflict.

Бурхливий прогрес сучасних інформаційних технологій (розвиток електронних засобів обробки і збереження інформації, зростання впливу електронних засобів масової інформації, створення могутніх комунікативних систем подібно мережі Інтернет тощо) був обумовлений такими особливостями сучасної культури, як орієнтація на розумні принципи організації життя, на наукову раціональність, на ліберальні цінності, демократичні інститути і т.п. Але замість зміцнення цих інститутів новітні інформаційні технології породжують також і руйнівні для європейської культури процеси. В чому полягає сенс сучасної культури в умовах інформаційного суспільства і яке це має значення для формування інноваційного мислення в сучасному освітньому просторі?

Основна частина. Як відомо, термін «інформаційне суспільство» був введений американським економістом Ф. Машлупом у праці «Виробництво і поширення знання в Сполучених Штатах» (1962 р.). У самій інформаційній концепції акцент був зроблений на ступені розвитку інформаційних технологій, а як головний фактор суспільного розвитку розглядалося виробництво і використання науково-технічної й іншої інформації. Одна з концепцій інформаційного суспільства була розроблена японським вченим Е. Масудою у праці «Інформаційне суспільство як постіндустріальне суспільство» (1983 р.). Учений трактував інформацію як економічну категорію і як суспільне благо, що трансформує в прогресивному напрямку всі сфери соціокультурного життя.

Однак у концепції Е. Масуди був зроблений акцент на технологічному розвитку суспільства, у той час як соціокультурні аспекти його розвитку залишилися в тіні. Характерно, що технологія і спосіб передачі основного економічного ресурсу суспільства — інформації, не розглядалися в якості основних вже в історично попередніх постіндустріальних концепціях А. Турена, Ж. Фураст'є, Д. К. Гелбрейта, К. Боулдінга, Г. Кана, З. Бжезинського, де акцент робився на людині й розмаїтості її життя.

Аналогічні акценти були розставлені в теоретичних конструкціях Дж. Нейсбіта, Дж. Бенінгера, Т. Стоун'єра, М. Маклюєна, Е. Тоффлера та інших учених, які бачили якісну відмінність цього типу суспільства від всіх інших у радикальній зміні уявлень людини про світ і відповідних трансформаціях